

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой

[Путевые записки по Швейцарии.]

15/27 Мая. Нынче утромъ уѣзжали мои соотечественники и сожители въ Кларанскомъ пансіонѣ Кетерера. Я давно уже собирался идти пѣшкомъ по Швейцаріи, и кромѣ того мнѣ слишкомъ бы грустно было оставаться одному въ этомъ миломъ Кларанѣ, въ которомъ я нашель такихъ дорогихъ друзей; я рѣшился пуститься въ путь нынче же, проводивъ ихъ.

Съ утра въ 3-хъ нашихъ квартирахъ происходила возня укладки. – Впрочемъ, наши хозяева поняли насъ русскихъ и, несмотря на то, что мы всё хвастались другъ передъ другомъ своей практичностью, укладывали за насъ трудолюбивые муравьи Кетереры.

Долго я пытался достигнуть акуратности нѣмецкой, но теперь ужъ махнулъ рукой, утѣшая себя тѣмъ, что ежили у меня и пропадаютъ и пачкаются и мнутся вещи больше, чѣмъ у Пруссаго Генерала, который укладывался два дня не переставая, за то ужъ и никому такъ равнодушно не обойтись безъ пропащей вещи и не носить испачканнаго или измятаго платья. Это тоже русская практичность въ своемъ родѣ.

Въ 8 часовъ мы всё въ послѣдній разъ сошлись за Кетереровскимъ чаемъ, въ маленькомъ salon, съ ситцевыми гардинками и портретами Наполеона въ Берлинѣ и Фридриха съ кривымъ носомъ. Всё были такіе же чистенькіе, общительные, жизнерадостные, какъ и каждый день въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ. –

Въ концъ чая въ salon вошла наша соотечественница, съ своими дѣтьми. Она искала квартиру. – Старшему 11-ти лѣтнему мальчику ея ужасно хотѣлось идти въ горы, а такъ какъ мнѣ всегда казалось, что ходить по Швейцаріи съ очень молодымъ мальчикомъ, для котораго «еще новы всё впечатлѣнья бытія», должно быть вдвое пріятнѣе, я предложилъ матери отпустить его со мной. Мать согласилась, и мальчикъ рысью, раскраснѣвшись и отъ радости задирая ноги чуть не выше головы, побѣжалъ укладываться. –

Въ 10 часовъ мы всё были въ извѣстномъ положеніи укладывающихся людей, т. е. ходили безъ всякаго дѣла кругомъ комнаты и растерянными глазами оглядывали лежащія на полу чемоданы и стѣны комнатъ, все что-то вспоминая. Въ это время пріѣхали изъ Montreux русскіе барышни съ только что пріѣхавшей изъ Россіи матерью и еще съ какимъ то господиномъ, тоже русскимъ; потомъ пріѣхали русскіе изъ Basset, тоже нынче уѣзжающіе. Благодарный Кетереръ за подарки, которые сдѣлалъ ему нашъ кружокъ, приготовилъ завтракъ. Не было одной комнаты свободной, вездѣ чемоданы, отворенныя двери, всё комнаты сдѣлались ничьи. Гости переходили изъ одной въ другую. Было одно время, что какъ будто никто не зналъ, кто у кого и зачѣмъ, и кто куда ѣдетъ, и съ кѣмъ прощаться. Я зналъ только то, что разстраивается нашъ мирный милый кружокъ, въ которомъ я не видалъ, какъ прожилъ 2 мѣсяца, и эти 2 мѣсяца, я чувствовалъ, останутся навсегда дорогимъ воспоминаніемъ моему сердцу. Это чувствовали, кажется, и всё.

Въ 12 часовъ всё тронулись провожать первыхъ отъѣжающихъ, мужа съ женой П[ущиныхъ]. Я надѣлъ свой ранецъ, взялъ въ руки Alpenstock, 2 подарокъ прусскаго 953 лѣтняго Генерала, и всё тронулись пѣшкомъ до парохода. Насъ было человекъ 10; правда, что большая часть изъ этихъ людей были рѣдко встрѣчающіеся превосходные люди, особенно женщины, но на всемъ нашемъ обществѣ въ это утро лежала одинаковая общая всѣмъ печать какого-то трогательнаго чувства благодущія, простоты и любовности (какъ ни странно это выраженіе), я чувствовалъ, что всё были настроены на одинъ тонъ; это доказывали и ровныя, мягкія походки, и нѣжно искательные звуки голосовъ, и слова тихой пріязни, которыя слышались со всѣхъ сторонъ. – Удивительно спокойно гармоническое и христіанское вліяніе здѣшной природы. –

Погода была ясная, голубой, ярко-синій Леманъ, съ бѣлыми и черными точками парусовъ и лодокъ, почти съ трехъ сторонъ сіялъ передъ глазами; около Женевы въ дали яркаго озера дрожалъ и темнѣлъ жаркой воздухъ, на противоположномъ берегу круто поднимались зеленыя савойскія горы, съ бѣлыми домиками у подошвы, – съ разсѣлиными скалы, имѣющими видъ громадной бѣлой женщины въ старинномъ костюмѣ. На лѣво, отчетливо и близко надъ рыжими виноградниками, въ темно-зеленой гущѣ

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
фруктовых садовъ, виднѣлись Монтрѣ съ своей прильпившейся на полускатъ
граціозной церковью, Вильневъ на самомъ берегу, съ ярко блестящимъ на
полуденномъ солнцѣ желѣзомъ домовъ, таинственное ущелье Вале съ нагроможденными
другъ на друга горами, бѣлый холодный Шильонъ надъ самой водой и воспѣтый
островокъ, выдуманно, но все таки прекрасно торчащій противъ Вильневъ. Озеро
чуть рябило, солнце пря[мо]4 сверху ударило на его голубую поверхность, и
распушенные по озеру паруса, казалось, не двигались. –

Удивительное дѣло, я два мѣсяца прожилъ въ Clarens, но всякой разъ когда я
утромъ или особенно передъ вечеромъ, послѣ обѣда, отворялъ ставни окна, на
которое уже зашла тѣнь, и взглядывалъ на озеро и на зеленя и далью синія горы,
отражавшіяся въ немъ, красота ослѣпляла меня и мгновенно, съ силой неожиданнаго
действовала на меня. Тотчасъ же мнѣ хотѣлось любить, я даже чувствовалъ въ себѣ
любовь къ себѣ, и жалѣлъ о прошедшемъ, надѣялся на будущее, и жить мнѣ
становилось радостно, хотѣлось жить долго-долго, и мысль о смерти получала
дѣтской поэтической ужасъ. Иногда даже, сидя одинъ въ тѣнистомъ садикѣ и глядя,
все глядя на эти берега и это озеро, я чувствовалъ, какъ будто физическое
впечатлѣніе, какъ красота черезъ глаза вливалась мнѣ въ душу.

Подойдя къ Верне, маленькой деревушкѣ, гдѣ пристаеетъ пароходъ, мы нашли на
лавочкахъ подъ высокими раинами, какъ всегда и вездѣ въ Швейцаріи, семейство
чистоплотныхъ Англичанъ, пастора въ бѣломъ галстукѣ, старуху съ корзинкой и 2
молодыхъ швейцарокъ въ шляпкахъ, съ багровымъ румянцомъ и пѣвучими голосками.
Всѣ дожидались парохода. Я не умѣю говорить передъ прощаньемъ съ людьми,
которыхъ я люблю. Сказать, что я ихъ люблю, – совѣстно, отчего я этого не
сказалъ прежде? говорить о пустякахъ тоже совѣстно.5 Я пошелъ на берегъ дѣлать
камушками рикшеты и занимался этимъ до самаго того время[ни] какъ лодочникъ
сказалъ, что пора садиться въ лодку и выѣзжать къ пароходу. Сапоги и башмаки
застучали по полу лодки, и два большія весла стали толкать лодку. Мы подѣхали
подъ самый пароходъ такъ близко,6 что пѣна забрызгала насъ. Покуда намъ бросали
канатъ, съ парохода празднично смотрѣли на насъ пассажиры, опершись на рѣшетку,
знакомый капитанъ <съ французской бородкой кланяясь встрѣтилъ у трапа чету
П[ущиныхъ], пустили веревку, синяя какъ7 распущенная лазурь> вода забурлила
около ярко красныхъ колесъ, и какъ будто мы побѣжали прочь отъ парохода.
Пассажиры передвинулись къ кормѣ, замахали платки, и наши друзья очутились ужъ
совсѣмъ далеко отъ насъ и въ чужой незнакомой средѣ людей, которые ихъ окружали.

Тамъ тоже махали другіе платками и совсѣмъ не намъ, а краснощекой швейцаркѣ,
которая, не обращая на насъ никакого вниманія, тоже махала батистовымъ платкомъ.
На сушѣ, у поворота въ Монтрѣ, я простился еще съ дорогими друзьями и съ уже
менѣе мнѣ близкими людьми пошелъ въ гору въ Монтрѣ за своимъ молодымъ
спутникомъ. Нашъ милый кружокъ8 былъ разстроены, и вѣрно навсегда, дамы, съ
которыми я шелъ, говорили о своихъ частныхъ дѣлахъ, я почувствовалъ себя вдругъ
одинокимъ, и мнѣ это показалось такъ грустно, какъ будто это случилось со мной
въ первый разъ.

Вмѣстѣ съ земляками въ два часа мы пошли обѣдать въ пансіонъ Вотье. Несмотря на
самыя разнообразныя личности, соединяющіяся въ пансіонахъ, ничто не можетъ быть
однообразнѣе вообще пансіона. –

Мы вошли въ низкую длинную комнату съ длиннымъ накрытымъ столомъ. На верхнемъ
концѣ сидѣлъ тотъ самый сѣдой чистовыбранный англичанинъ, который бываетъ вездѣ,
потомъ еще нѣсколько островитянъ мужскаго и женскаго пола, потомъ скромные,
пытающіеся быть общительными нѣмцы и развязные русскіе и молчаливые неизвѣстные.
За столомъ служили румяные миловидные швейцарки, съ длинными костлявыми руками,
и M-me Votier въ черномъ чепцѣ, съ протестантской кроткой улыбочкой, нагибаясь
спрашивала, что кому будетъ угодно. Тѣ же какъ и во всѣхъ пансіонахъ 5 кушаній
съ повтореніями, и тѣ же разговоры на англійскомъ, нѣмецкомъ и ломанномъ
французскомъ языкахъ, о прогулкахъ, о дорогахъ, о гостинницахъ. – Въ началѣ
весны обитатели пансіоновъ еще дичатся другъ съ другомъ, въ серединѣ лѣта
сближаются и подъ конецъ дѣлаются врагами; тотъ шумѣлъ прошлую ночь и не давалъ
спать, тотъ прежде беретъ кушанье, тотъ не отвѣтилъ на поклонъ. Особенно нѣмки
по своей обидчивости, и Англичане по своей важности бываютъ зачинщиками
раздоровъ...

Въ 49 часа, напившись кофey, я зашелъ за своимъ спутникомъ. Послѣ радостной
торопливой бѣготни, которая продолжалась ¼ часа, онъ былъ готовъ и съ мѣшкомъ
черезъ плечо и длинной палкой въ рукахъ простился съ матерью, сестрой и братомъ.

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Отъ Монтрё мы стали подниматься по лѣсинкѣ, выложенной въ виноградникахъ, прямо вверхъ въ гору.10 Ранецъ мой такъ тянулъ мнѣ плечи и было такъ жарко, что я только храбрился передъ своимъ товарищемъ, а думалъ, что вовсе не въ состояніи буду ходить съ этой ношей. Но видъ озера, который все11 уже и уже, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящее и картиннѣе, открывался передъ нами, и заботы о томъ, чтобы Саша (мой спутникъ) не мучался бы напрасно, подпрыгивая по ступенькамъ и не оборвался бы подъ 10 и кое гдѣ 20-ти аршинную стѣну виноградника, развлекали меня, и пройдя съ полчаса, я уже начиналъ забывать объ усталости. – Ужъ мальчикъ мнѣ былъ чрезвычайно полезенъ однимъ тѣмъ, что избавлялъ меня отъ мысли о себѣ и тѣмъ самымъ придавалъ мнѣ силы, веселости и моральной гармоничности, ежели можно такъ выразиться.

Я убѣжденъ, что въ человѣка вложена безконечная не только моральная, но даже физическая безконечная сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ на эту силу положенъ ужасный тормазъ – любовь къ себѣ или скорѣе память о себѣ, которая производитъ безсиліе. Но какъ только человѣкъ вырвется изъ этаго тормазы, онъ получаетъ всемогущество. Хотѣлось бы мнѣ сказать, что лучшее средство вырваться есть любовь къ другимъ, но къ несчастью это было бы несправедливо. Всемогущество есть безсознательность, безсиліе – память о себѣ. Спасаться отъ этой памяти о себѣ можно посредствомъ любви къ другимъ, посредствомъ сна, пьянства, труда и т. д.; но вся жизнь людей проходить въ исканіи этаго забвенія. – Отчего происходитъ сила ясновидящихъ, лунатиковъ, горячечныхъ или людей, находящихся подъ вліяніемъ страсти? матерей, людей и животныхъ, защищающихъ своихъ дѣтей? Отчего вы не въ состояніи произнести правильно слова, ежели вы только будете думать о томъ, какъ бы его произнести правильно? Отчего самое ужасное наказаніе, которое выдумали люди есть – вѣчное заточеніе? (Смерть, какъ наказаніе, выдумали не люди, они при этомъ слѣпое орудіе Провидѣнья). Заточеніе, въ которомъ человѣкъ лишается всего, что можетъ его заставить забыть себя, и остается съ вѣчной памятью о себѣ. И чѣмъ человѣкъ спасается отъ этой муки? Онъ для паука, для дырки въ стѣнѣ, хоть на секунду забываетъ себя. Правда, что лучшее, самое сообразное съ общечеловѣческой жизнью спасеніе отъ памяти о себѣ есть спасеніе посредствомъ любви къ другимъ; но не легко пріобрѣсти это счастье. –

.....
.....
Я намѣренъ былъ черезъ гору Жапа ийти на Фрейбургъ.12

Въ Avants13, 1½ часа отъ Монтрё, мы хотѣли ночевать нынче. Когда мы вышли на большую дорогу, высѣченную, какъ всѣ горныя дороги, фута на два въ каменномъ грунтѣ, ийти стало легче. Мы поднялись уже такъ высоко, что около насъ не видать было желто-кофейныхъ плѣшинъ виноградниковъ, воздухъ какъ будто сталь свѣжѣе, и съ лѣвой стороны, съ которой заходило солнце, сочнолиственные, темнозеленыя лѣсныя, а не фруктовыя, деревья закрывали насъ своей тѣнью. На право виднѣлся глубокой зеленой оврагъ съ быстрымъ потокомъ; черезъ него торчалъ14 на горѣ Rigі Vaudaіs пансіонъ, составляющій казенную partie15 Англичанокъ и Нѣмокъ, а оглянувшись назадъ виднѣлось уже значительно сужившееся синее озеро съ бѣлыми парусами и съ дорожками, которыя по разнымъ направленіямъ бѣжали по немъ. – Вале въ синей дали съ русломъ Роны далеко и глубоко растиался передъ нами, на право снѣговыя горы Савои обозначались чище и яснѣе. –

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ рѣже встрѣчали швейцарцовъ съ корзинками за плечами и съ пѣвучими bonsoir Monsieur,16 которыми они привѣтствовали насъ, лѣсъ становился гуще и чернѣе, дорога становилась грязнѣе, глинистѣе и колеистѣе. Можетъ быть, это отъ того, что я Русской, но я люблю, просто люблю, глинистые, чуть засыхающія, еще мягкія жолтыя колеи дороги, особенно, когда они въ тѣни, и на нихъ есть слѣды копытъ. – Мы присѣли въ тѣни на камнѣ около жолобка воды, изъ котораго чуть слышно лилась струйка прозрачной воды, я досталъ фляжку и накапаль рому въ стаканчикъ. Мы выпили съ наслажденіемъ, надъ нами заливались лѣсныя птицы, которыхъ не слышишь надъ озеромъ, пахло сыростью, лѣсомъ и рубленной елью. – Было такъ хорошо ийти, что намъ жалко было проходить скоро.

Вдругъ насъ поразилъ необыкновенный, счастливый, бѣлый весенній запахъ. Саша побѣжалъ въ лѣсъ и сорвалъ вишневыхъ цвѣтовъ, но они почти не пахли; съ обѣихъ сторонъ были видны зеленыя деревья и кусты безъ цвѣта. Сладкой одурѣвающій запахъ все усиливался и усиливался. Пройдя сотню шаговъ, съ правой стороны кусты открылись, и покатаая, огромная, бѣлозеленая долина съ нѣсколькими разбросанными на ней домиками открылась передъ нами.

Саша побѣжалъ на лугъ рвать обѣими руками бѣлыя нарцисы¹⁷ и принесъ мнѣ огромный, невыносимо пахучій букетъ, но съ свойственной дѣтямъ разрушительной жадностью, побѣжалъ еще топтать и рвать чудные молодые сочные цвѣты, которые такъ нравились ему. –

<Странная грустная вещь – всегда несогласуемое противорѣчїе во всѣхъ стремленїяхъ человѣка, но жизнь какъ-то странно по своему соединяетъ всѣ эти стремленїя, и изъ всего этаго выходитъ что-то такое неконченное, не то дурное, не то хорошее, грустное, жизненное. Всегда полезное противоположно прекрасному. Цивилизація исключаетъ поэзію. – Полей съ нарцисами уже остается мало, потому что скотина не любитъ ихъ въ сѣнѣ>.

Avants состоитъ изъ десятка швейцарскихъ домиковъ, разбросанныхъ у подошвы Жаман, передъ началомъ глубокаго заросшаго оврага, который идетъ до самаго Монтрѣ, на широкой просторной зеленой полянѣ, буквально усыянной нарцисами. Кругомъ темныя дубовыя и сосновыя рощи, вверху скалистый зубъ Жаманской, внизу открывается домъ Риги, нѣсколько шале, и уголокъ синяго далекаго озера и <лощины>¹⁸, съ изполосанной дорогами, изгородами и Роной долиной Вале. Нѣсколько потоковъ шумятъ около домовъ. –

Намъ указали гостинницу: это скромный, еще необитаемый пансіонъ. Швейцарка съ зобомъ отнесла наши котомки въ двѣ чистенькія комнатки, дала кисленькаго вина и накрыла чай на терасѣ. Мальчишки стрѣляли въ цѣль изъ арбалета, странствующій итальянецъ чинилъ посуду передъ однимъ изъ домиковъ. Здоровые швейцарцы, съ голыми по подъмышки грязными руками, укладывали вонючїй сыръ, другая старая старушка съ зобомъ, сидя на бревнѣ, вязала чулокъ передъ домомъ, около котораго было два чахлахъ кусточка розановъ, вотъ все, что мы видѣли, пройдясь по деревнѣ. Уединенно, бѣдно, скромно¹⁹ и надъ этимъ всѣмъ непоколебимая красота зеленыхъ лѣсистыхъ горъ, синей дали, съ клочкомъ блестящаго озера, и прозрачнаго неба, на которомъ бѣлымъ облачкомъ стоялъ матовой молодой мѣсяць.

Саша побѣгалъ по деревнѣ, завелъ знакомство съ итальянцомъ, узналъ, сколько у него дѣтей и хорошо ли жить въ Миланѣ, придержалъ пальцомъ фонтанъ около дома и запыхавшись вернулся на терасу. Мы напились чаю и разошлись въ свои комнатки. Я сѣлъ было писать, но вспомнивъ о друзьяхъ, съ которыми разстался, мнѣ стало такъ грустно, что я бросилъ и изъ окна перелѣзъ на терасу. – Все уже черно кругомъ, мѣсяць свѣтилъ на просторную поляну, потоки, ненарушаемые дневнымъ шумомъ, равномерно гудѣли въ глубинѣ оврага, бѣлый запахъ нарцисовъ одурѣвающе былъ разлитъ въ воздухъ, сосны и скалы отчетливо рисовались на свѣтломъ мѣсячномъ горизонтѣ.

Хозяйка мнѣ сказала, что поля съ нарцисами скверные луга для скотины²⁰ [1 неразобр.] переводятъ. Неужели такой законъ природы, что полезное противорѣчить прекрасному, цивилизація поэзіи? – пришло мнѣ въ голову. – Зачѣмъ же эта путаница? Зачѣмъ несогласуемыя противорѣчїя во всѣхъ стремленїяхъ человѣка? – думалъ я, чувствуя въ тоже время какое то сладкое чувство красоты, наполнявшее мнѣ душу. И въ себѣ я чувствовалъ противорѣчїе. Впрочемъ всѣ эти кажущїеся несогласуемыя стремленїя жизнь какъ то странно по своему соединяетъ ихъ. И изъ всего этаго выходитъ что-то такое неконченное, не то дурное, не то хорошее, за которое человѣкъ самъ не знаетъ благодарить или жаловаться. Видно покамѣста такъ надобно. –

Въ молодости я рѣшалъ и выбиралъ между двумя противорѣчїями; теперь я довольствуюсь гармоническимъ колебанїемъ²¹. Это единственное справедливое жизненное чувство. Красота природы всегда порождаетъ его во мнѣ, это чувство не то радости, не то грусти, не то надежды, не то отчаянїя, не то боли, не то наслажденїя²². И когда я дойду до этаго чувства, я останавливаюсь²³. Я уже знаю его, не пытаюсь развязать узла, а довольствуюсь этимъ колебанїемъ.

Я опять перелѣзъ въ окно и скоро спокойно заснулъ въ своей маленькой чистенькой комнаткѣ, въ которую до половины пола проникали лучи мѣсяца.

16/28 мая. Я проснулся въ 4. Въ окно уже виднѣлся блѣдный свѣтъ утра. Башмаки мои не были принесены, дверь заперта снаружи, я отворилъ окно, перелѣзъ въ него на терасу.

Свѣжїй воздухъ охватилъ меня и дрожь пробѣжала по тѣлу. Потоки также какъ и

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вчера уединенно и равномерно шумели внизу темного сырого оврага, надъ голубымъ озеромъ далеко тянулись туманныя бѣлыя тучки, жаманской скалистой зубъ на верху съ снѣгомъ, прильпившимся къ нему, отчетливо виднѣлся на золотисто голубомъ горизонтѣ, разбросанные по горамъ шале казались ближе, на травѣ и по дорогѣ серебрилась морозная роса. Гдѣ то недалеко ужъ звонили бубенчиками пасущіеся коровы. – Я постучался къ хозяйкѣ. Костлявая съ длинными руками дѣвушка отворила мнѣ дверь, изъ которой пахло спаньемъ, и дала башмаки и платье. Я разбудилъ Сашу, онъ укусилъ себя за мизинецъ, чтобы совсѣмъ проснуться, и черезъ ¼ часа мы были готовы, заплатили хозяйкѣ что то 4 франка за постели, чай и вино и пустились въ дорогу. – Широкая вытесанная дорога извиваясь шла въ гору. – Съ права и съ лѣва все глуше и мрачнѣе становился еловый и сосновый лѣсъ. Кое гдѣ попадались какъ бы болотца съ блѣдной растительностью, отъ недавно стаявшаго снѣга, попадались изгороди, отдѣлявшія одну горную пастьбу отъ другой, и небольшія полянки на полугорьяхъ, на которыхъ, позванивая подвѣшанными подъ горло бубенчиками, паслись некрупныя, но сбитыя, красивыя швейцарскія коровы и граціозныя козочки. Даже повернувшись назадъ не было видно веселаго блестящаго озера, все было серьезно, уныло, но не мрачно и мягко.24 –

Съ полчаса отъ Avants мы подошли къ загородкѣ съ затворенными воротами. Опять большая поляна надъ оврагомъ и на полянѣ длинный шале, въ которомъ дѣлаютъ сыръ, съ фонтаномъ и колодой. Проходя мимо шале, мы услышали въ немъ звонки и топотъ копытъ повараживающихся коровъ и голоса.

– Здравствуйте, кто тамъ? – спросилъ я, перегнувшись черезъ запоры въ темныя конюшни.

– Jae! – откликнулся оттуда заспанный грубый голосъ, – qui est là?25

– Иностранцы. Нѣтъ ли молока? – спросили мы. –

Къ намъ вышелъ26 малый лѣтъ 16–ти съ лилово желтыми засученными руками и ногами и такимъ же лицомъ съ тупымъ удивленнымъ выраженіемъ. Другой старый голосъ слышенъ былъ изъ конюшни; онъ на своемъ грубомъ patois27 сказалъ что-то малому. – Малый указалъ намъ на плоской чанъ съ молокомъ, положилъ въ него деревянное орудіе въ родѣ лопаты безъ ручки и сказавъ «voilà»,28 скрылся въ конюшнѣ. –

– Ну что, хотите? – сказалъ я Сашѣ, предлагая ему деревянное орудіе и указывая на желтоватое съ синимъ [молоко], все усыпанное сверху плавающимъ соромъ. –

Саша расхохотался только, мы напились воды и пошли дальше.

– И онъ думаетъ, что это пить можно. Хорошо угощеніе! – говорилъ Саша, подсмѣиваясь надъ швейцарскимъ сырникомъ. –

У дѣтей, как и у простолюдиновъ, есть одинаковое счастливое свойство насмѣшливости надъ привычками и обычаями, которые не похожи на ихніе. Сколько разъ я видалъ, какъ наши солдаты помирили со смѣху надъ французами, отъ того что они не понимали по русски, и надъ татарами, которые снимали башмаки, входя въ комнату. И Саша никакъ не могъ понять, что ему въ горной сырнѣ не подается молоко, какъ въ пансіонѣ Вотье, и помиралъ со смѣху надъ этимъ. – Больше уже до самой вершины Jaman29, мы не встрѣчали жилищъ; только то надъ головами въ кустахъ, то внизу надъ самымъ оврагомъ слышали равномерно[e] побрякиванье бубенчиковъ пасущагося стада. Разъ даже цѣлое стадо, въ главѣ котораго бѣжала веселинькая красная коровка съ маленькой головкой и на тоненькихъ прямыхъ ножкахъ, наткнулась на насъ. Саша посторонился съ уваженіемъ отъ коровъ, но поймалъ маленькую козочку за рога и съ хохотомъ любовался ворочаньемъ ея коротенькаго черненькаго хвостика. – Ну еще, вотъ такъ, ну еще, – приговаривалъ онъ. –

Правду мнѣ говорили, что чѣмъ выше идешь въ горы, тѣмъ легче идти; мы шли ужъ съ часъ и оба не чувствовали ни тяжести мѣшковъ, ни усталости. Хотя мы еще не видѣли солнца, по оно черезъ насъ, задѣвая нѣсколько утесовъ и сосенъ на горизонтѣ, бросало свои лучи на возвышенье напротивъ; потоки всѣ слышны были внизу, около насъ только сочилась снѣговая вода, и на поворотахъ дороги мы снова стали видѣть озеро и Вале на ужасной глубинѣ подъ нами. Низъ Савойскихъ горъ былъ совершенно синій какъ озеро, только темнѣе его, верхъ, освѣщенный солнцемъ, совершенно бѣло-розовый. Снѣговухъ30 горъ было больше, они казались выше и разнообразнѣе. Паруса и лодки, какъ чуть замѣтныя точки, были видны на озерѣ.

Это было что-то красивое, даже необыкновенно красивое, но это не природа, а31 что то такое хорошее. Я не люблю этих, такъ называемых, величественных знаменитых видовъ – они холодны как-то. – Саша кажется раздѣлялъ мое мнѣніе. Даль этаго вида только интересовала его, но не нравилась очень. Черезъ послѣдній потокъ, который намъ надо было перейти, намъ пришлось снова спускаться на нѣсколько сотъ шаговъ въ глубокой оврагъ на мостикъ. Этотъ видъ больше поразилъ насъ. –

Внизу – крутой шумный потокъ по камнямъ, черезъ который переброшенъ мостикъ изъ нетесанныхъ елей; съ нашей стороны между черными, все густѣющими книзу елями, вьется внизъ каменистая дорога и по другой сторонѣ, по каменистому уступистому косоугору поднимается вверхъ. – По крутому теченію все гуще и гуще ели; кое гдѣ повывраны и переброшены на камни красные стволы, и корни виднѣются на серебристой пѣнѣ, и рядомъ съ пѣной симметрическая верхушка другой сосны, растущей въ обрывѣ; и къ низу все гуще и гуще, круче и круче идетъ потокъ, перемѣшиваясь съ темнозелеными верхушками и, наконецъ, на самомъ низу его закрываетъ отъ глазъ облако, кое гдѣ прорванное кажущимися совершенно черными вѣтвями сосенъ.

Перейдя мостикъ, Dent de Jaman32 казалась уже совершенно надъ нами, мы различали ея разсѣлины и снѣгъ и кусты около нея; но идти еще было тяжело и далеко. Саша мой все старался идти прямѣе, по діагоналямъ, забѣгалъ впередъ и отдыхалъ, и отъ этаго уставалъ еще больше. Онъ уже отказывался идти, и мнѣ становилось тяжело; но зная по опыту, что надо не вѣрять первому моменту усталости, я, ели-ели передвигая ногу за ногу, все шель впередъ по зигзагамъ дороги, которая поднималась по рѣдкому бору.

Солнце33 еще не выбралось изъ за скаль34. Вездѣ пусто, сыро, никого не видно и не слышно, съ обѣихъ сторонъ голые стволы деревъ и бѣдная растительность. Чѣмъ выше мы поднимались, становилось грязнѣе35 и грязнѣе отъ таявшаго снѣга, ноги скользили и мѣшокъ страшно тянулъ мнѣ спину, и я уже думалъ, что вовсе не такъ пріятно ходить пѣшкомъ по Швейцаріи, какъ всѣ говорятъ, когда вдругъ все перемѣнилось. Выше меня послышались бубенчики [и] сильный, свѣжій мужской голосъ, который пѣлъ эту вѣчную швейцарскую пѣсню съ гортанными переливами; пройдя маленькой зигзагъ, мы очутились на маленькой сырой полянкѣ, съ которой открылся еще шире, дальше и блестяще видъ на озеро; солнце большей половиной выкатилось изъ за скалы и ослѣпительно заблестѣло по голымъ краснымъ стволамъ сосенъ и по сырой травѣ поляны. –

Взглянувъ вверхъ, надъ самой головой, я увидаль черную навьюченную лошадку, которая, опустивъ голову внизъ, какъ бы обнюхивая дорогу, по самой окраинѣ спускалась внизъ, осторожно поджимая заднія ноги. Сзади скорыми шагами съ палкой въ рукѣ шель Швейцарецъ, молодой красивый малый въ соломенной шляпѣ. Увидавъ насъ, онъ пересталъ пѣть и только весело покрикивалъ на лошадку. – Bonjour, monsieur, – сказалъ онъ весело, заигрывающе ударяя на послѣднемъ слогѣ, когда мы сошлись съ нимъ. – Bonjour, далеко ли до Alières? – Два маленькихъ часика, – отвѣчалъ онъ, и – хупъ, хупъ, – закричалъ онъ и взялся за хвостъ лошади, которая приложивъ уши, съ какимъ то шутовски веселымъ выраженіемъ, побрякивая бубенчиками, быстро спускалась по самому краю дороги. Пока мы входили, до самаго верха горы, мы все видѣли внизу себя подъ ногами, то тамъ, то сямъ по извилинамъ дороги черную лошадку съ вьюкомъ и слышали пѣсню Швейцарца. –

Странная вещь – изъ духа ли противорѣчія, или36 вкусы мои противоположны вкусамъ большинства, но въ жизни моей ни одна знаменито прекрасная вещь мнѣ не нравилась. Я остался совершенно холоденъ къ виду этой холодной дали съ Жаманской горы; мнѣ даже и въ голову не пришло остановиться на минуту полюбоваться.37 Я люблю природу, когда она со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня и потомъ развивается безконечно въ даль, но когда я нахожусь въ ней. Я люблю, когда со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня жаркой воздухъ, и этотъ же воздухъ клубясь уходитъ въ безконечную даль, когда эти самые сочные листья травы, которые я раздавилъ сидя на нихъ, дѣлаютъ зелень безконечныхъ луговъ, когда тѣ самыя листья, которыя, шевелясь отъ вѣтра, двигаютъ тѣнь по моему лицу, составляютъ линію далекаго лѣса, когда тотъ самый воздухъ, которымъ вы дышете, дѣлаетъ глубокую голубизну безконечнаго неба; когда вы не одни ликуете и радуетесь природой; когда около васъ жужжать и вьются мириады насѣкомыхъ, сцѣпившись ползуть коровки, вездѣ кругомъ заливаются птицы. А это – голая холодная пустынная сырая площадка, и гдѣ то тамъ красивое что-то, подернутое дымкой дали. Но это что то такъ далеко, что я не чувствую главнаго

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru наслажденія природы, не чувствую себя частью этаго всего безконечнаго и прекраснаго цѣлаго. Мнѣ дѣла нѣтъ до этой дали. – Жаманской видѣ для Англичанъ. Имъ должно быть пріятно сказать, что они видѣли съ Жаманъ озеро и Вале и т. д.

Кромѣ того на горѣ недавно стоялъ снѣгъ, было сыро, я усталъ поднимаясь, хотѣлъ пить, а тутъ воды нигдѣ не было. Два шале, которые мы нашли³⁸ тутъ почти на самой вершинѣ, были пусты. Саша побѣжалъ было къ снѣгу, котораго за хребтомъ горы было много, но снѣгъ былъ грязенъ. Видѣ по ту сторону Жамана несравненно гармоничнѣе: это до самаго горизонта глубокое суживающееся мрачное, поросшее хвойнымъ лѣсомъ ущелье. Въ отверстіе ущелья выставляется другой хребетъ горъ, того же строгаго и величественнаго характера; въ глуби и на полускатахъ ущелій виднѣлись дымки, которые одни оживляли картину; домовъ и шале нигдѣ не было видно. На вершинахъ почти вездѣ клочьями лежалъ снѣгъ. Спускъ по ту сторону [шель] по маленькой едва проторенной каменистой тропинкѣ. Тропинка эта такъ мала, что мы даже сомнѣвались, на настоящей ли мы дорогѣ.

Первый дымъ, который нами былъ видѣнъ, и гдѣ надѣялись спросить о дорогѣ, остался въ правѣ. Около часу мы все круто спускались, никого не встрѣчая, и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ дорога становилась хуже. Видно было, что вблизи выше рубили лѣсъ, и на самой дорогѣ попадались иногда сложеныя сажени, а иногда просто сброшенныя сверху деревья, заграждавшія дорогу.

Я сомнѣвался, не сбился ли я, и признаюсь, серьезно безпокоился, но Саша, которому я сообщил свои опасенія, помиралъ со смѣху отъ мысли, что мы заблудились. Я тоже смѣялся и не отъ того, чтобы мнѣ смѣшно было, но отъ того, что мы спускаясь устали еще больше, чѣмъ поднимаясь, насъ распарило, и какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, на Сашу нашель смѣхунъ и сообщился мнѣ отчасти.

Скажу я: «Фу, въ какую мы тущобу зашли»; и Саша спотыкался и падалъ отъ смѣха и только повторялъ; «въ тущобы зашли»; и мнѣ почему-то это становилось ужасно смѣшно.

– А вонъ слышите, рубятъ дрова, – сказалъ я, – надо будетъ спросить у этаго господина.

– Я вижу и господина, – сказалъ Саша, помирая со смѣху, и путаясь ногами, побѣжалъ впередъ къ господину. –

Это былъ высокій, худой, рябой мущина, ужасно грязно одѣтый и изнуренный, что весьма часто встрѣчается въ Швейцаріи. Онъ, засучивъ рукава надъ своими худыми жилистыми руками, рубилъ дрова около дороги. На всѣ вопросы Саши по французски, какъ пройти въ Альеръ? далеко-ли? онъ отвѣчалъ такимъ непонятнымъ фляфляваніемъ, какъ будто у него былъ полонъ ротъ каши, и съ такимъ дикимъ испуганными выраженіемъ смотрѣлъ на мальчика, что Саша началъ пятиться отъ него. Предполагая, что онъ изъ нѣмецкой Швейцаріи и говорить на своемъ *patois*,³⁹ я спросилъ его по нѣмецки; но кромѣ какихъ то непонятныхъ слюнявыхъ звуковъ и тѣхъ же растерянныхъ взглядовъ, я ничего не могъ отъ него добиться. Не итальянецъ ли онъ? Саша спросилъ его поитальянски. Онъ только пожалъ плечами и сдѣлалъ такую комическую рожу, что Саша лопнулъ, расхохотался и побѣжалъ прочь. Я не могъ удержаться и сдѣлалъ тоже. – Я нигдѣ не встрѣчалъ такой уродливой идиотической старости рабочаго класа, какъ въ Швейцаріи. –

Пройдя нѣсколько шаговъ, мы встрѣтили другихъ дровосѣковъ ниже дороги, Саша сбѣгалъ къ нимъ и эти поняли его и сказали, что мы идемъ хорошо и черезъ маленькой полчаса будемъ въ Альеръ. Дѣйствительно, скоро уже дорога пошла ровно вдоль потока, между обсаженными⁴⁰ каменными изгородами; стали попадаться стада, разсыпанныя по полугорамъ, освѣщеннымъ солнцемъ, и скоро около самой деревни мы нашли фонтанъ, котораго намъ такъ хотѣлось.

Alières – въ томъ же родѣ, какъ и Avants, – десятка полтора хорошенькихъ домиковъ на довольно далекое разстояніе другъ отъ друга, разсыпанныхъ по зеленой долинѣ. Тотъ же оврагъ внизу, тѣ же потоки, тѣ же душистые нарцисы въ лугахъ, только больше коровъ и скотины виднѣется въ лугахъ и на полянахъ лѣсовъ. Съ права и съ лѣва, неумолкаемо слышались⁴¹ эти бубенчики, которыя такъ идутъ какъ-то къ утреннимъ косымъ лучамъ солнца, къ росистой зелени и къ запаху цвѣтовъ, росы и стада.

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Саша съ одной стороны въбжалъ въ большой домъ, мимо котораго мы проходили, чтобы узнать, не это ли гостинница, а я съ другой ужъ нашель вывъску, изображающую мѣдвѣдя съ надписью кругомъ: 42 Hôtel de L'ours, à la confiance. 43 Служанка, къ которой мы обратились по французски, пожала плечами, въ знакъ сожалѣнiя, что не понимаетъ, что, разумѣется, насъ очень обрадовало, давъ возможность показать свои знанiя понѣмецки.

Это былъ уже кантонъ фрибурга.

Насъ провели въ залу съ голыми столами и лавками и дали славнаго свѣжаго хлѣба и молока. Кофей, который мы заказали, мы слышали какъ жарился и терся. Но мы рады были отдохнуть, и на насъ снова нашель смѣхунъ, вслѣдствiи наслажденiя отдыха, хотя и подъ предлогомъ надписей на чашкахъ и тарелкахъ, которыя намъ подали. На моей чашке было написано просто: *par l'amitié* 44 въ лавровомъ вѣнкѣ, но у Сашѣ надпись была 45 длиннѣе: *mon coeur est tout attristé, – je pleure en réalité.* 46 Но лучше всего была тарелка съ синими разводами, съ изображенiемъ якоря и съ нѣмецкой надписью внизу: *Komm her und küsse mich.* 47 – Видимо здѣсь уже и въ людяхъ и въ предметахъ боролись нѣмецкой и французской элементы. Однако кофей былъ недурень, дешевъ чрезвычайно и поданъ скоро, такъ что еще не было жарко, когда мы пустились въ путь дальше до *Montbovon*, 48 гдѣ мы намѣревались дневать и обѣдать.

49 Дорога шла извиваясь между лугами и лѣсами, то въ гору, то подъ гору. Подъ самымъ Альеромъ мы нагнали женщину уже лѣтъ за 40, которая несла за спиной пустую корзину. Она шла ровнымъ 50 охотничьимъ шагомъ, мы шли скорѣе, и, признаюсь, [я] не безъ гордости подумалъ, какъ я легко обгонялъ горную женщину, и что она глядя на насъ подумаетъ, можетъ быть: молодцы, хорошо идутъ. – Услыхавъ за собой наши шаги, она посторанилась и произнесла этотъ пѣвучiй: *Bonjour, monsieur*, къ которому такъ привыкаешь на Леманѣ. Слово за слово, мы разговорились, кто, куда и откуда? и, признаюсь, мнѣ стыдно стало, когда я узналъ, что она, которую я хотѣлъ удивить, нынче вышла изъ Монтрѣ и, пройдя въ одно утро тоже самое, что мы въ два дня, была впереди насъ. Мало этаго, она 51 прибавила такъ, къ слову, что вотъ сейчасъ здѣсь наложить 36 фунтовъ холстины въ корзину и вернется нынче же въ Монтрѣ. –

Мы съ Сашей только переглянулись. Вотъ такъ молодець баба! Когда она, пожелавъ намъ счастливаго пути, повернула въ сторону, я внимательно осмотрѣлъ ея фигуру. Ничего особеннаго, тотъ обыкновенный типъ рабочихъ женщинъ, которыхъ съ шляпами въ видѣ бутылокъ встрѣчаешь въ виноградникахъ 52 *Côte* и у большей части которыхъ виситъ зобъ подъ подбородкомъ, плоская спина и грудь, костлявыя длинныя руки, вывернутыя ноги и кислая сморщенная улыбка. – На половинѣ дороги встрѣтили мы съ удовольствiемъ такого же туриста какъ мы, только гораздо менѣе навьюченнаго: у него была крошечная сумочка, а я тащилъ на себѣ, я думаю, больше пуда и теперь, пройдя по горамъ около 20 верстъ, начиналъ серьезно уставать. Притомъ дорога однообразно идетъ по еловому лѣсу; кое гдѣ ручьи, потоки или полянка съ шале и фонтаномъ; но за то безпрестанныя встрѣчи: то дальнiе нѣмцы швейцарцы съ большими палками и фарфоровыми трубочками, то изъ подъ горы съдой старикъ тянетъ корову за рога, а за нимъ идетъ хорошенькая румяная швейцарочка съ длинной хворостиной и, потупивъ глазки, здороваается съ иностранцами, то два мальчика, въ вздернутыхъ на бокъ на одной помощъ штанишкахъ, впереди себя гонятъ куда то козъ и безпрестанно забѣгаютъ въ лѣсъ, выгоняя оттуда свое непослушное стадо, то двѣ уродливыя старухи, вытаскиваютъ за хвостъ красную свинью изъ оврага. Эту послѣднюю встрѣчу мы сдѣлали подъ самой деревней. Свинья пронзительно визжала, одна баба тащила ее за хвостъ, другая худая, костлявая, съ зобомъ и съ какимъ то страннымъ тикомъ во рту, дававшимъ ей ужасно злобный видъ, колотила ее палкой. –

Сашѣ 53 моему такъ смѣшно показалось это зрѣлище, что насилу я могъ удержать его, чтобы онъ не прыснулъ прямо въ носъ уродливой бабѣ, съ которой мы столкнулись носъ съ носомъ на дорогѣ. За то уже послѣ онъ далъ себѣ волю, хрипѣлъ, пыхтѣлъ, фыркалъ, и смѣхунъ продолжался до самой гостинницы.

54 *Montbovon* живописно открылся намъ подъ горой, на довольно большой рѣчкѣ, съ большимъ городского фасада домомъ гостинницы, католической церковью и большой дорогой шоссе, которую я, признаюсь, увидалъ не безъ удовольствiя, послѣ дороги, по которой мы шли нынѣшнее утро. –

Не дошли мы до гостинницы, какъ особенности католическаго края тотчасъ же выказались: грязные оборванные дѣти, большой крестъ на перекресткѣ передъ

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
деревней, надписи на домахъ, уродливо вымазанная статуетка мадоны надъ
колясцемъ, и одинъ опухлый старикъ и мальчикъ въ англиской болѣзни попросили у
меня милостыню. Гостинница была чистая просторная, на большую ногу и совершенно
пустая; намъ служили отлично. Бывшая хорошенькая горничная изъ Берна,
принарядившись и наподадившись для нашего прїѣзда, усиливалась говорить съ нами
по французски и безъ надобности забѣгала въ нашу комнату. – Желательно бы было,
чтобы къ намъ не переходилъ въ Россію обычай имѣть женскую прислугу въ
гостинницахъ. Я не гадливъ, но мнѣ лучше ѣсть с тарелки, которую можетъ быть
облизалъ половой, чѣмъ съ тарелки, которую подаетъ помаженная плъшивящая
горничная, съ впалыми глазами и масляными мягкими пальцами. – Госпожу эту звали
Элиза, но Саша, смотрѣвши на картинки въ залѣ, изображавшіе исторію Женевьевы,
брошенной въ лѣсъ и вскормленной ланью, назвалъ ее Женевьевкой, потомъ
Женевѣсткой, потомъ Женеверткой, и слово Женевертка, заставляло его смѣяться до
упаду. Кромѣ того съ этаго дня Женевертка стала для насъ словомъ означющимъ
вообще трактирную служанку.55

Я закрылъ ставни и легъ спать до обѣда, Саша пошелъ удить рыбу на рѣчку.
Проснувшись я порадовался по картѣ, какъ далеко мы отошли отъ Монтрѣ, и мнѣ
пришла мысль, что, такъ какъ мы стоимъ на дорогѣ, ведущей изъ Фрибурга въ
Интерлакень, идти лучше любоваться горной природой въ Оберландъ, чѣмъ по
пыльному шоссе идти въ Фрибургъ, гдѣ я могъ слушать знаменитый органъ на
возвратномъ пути. Передъ выступленіемъ я прошелся по деревнѣ. Дома большей
частью были большіе, красивые, въ каждомъ жило по нѣскольку семействъ; но одежда
и видъ народа ужасно бѣдны. На нѣсколькихъ домахъ я прочелъ56 надписи въ родѣ
слѣдующей: *Cette maison a été batie par un tel, mais ce n'est rien en
comparaison de celle que nous réserve le Seigneur. Oh mortel! mon ombre passe
avec vitesse et ma fin approche avec rapidité!*57 и еще разъ *Oh mortel!*58 что за
нелѣпое соединеніе невѣжественной гордости, христіанства, мистицизма и59
тщеславной напыщенной болтовни.

.....
.....
Саша ничего не поймалъ, проэктъ мой ему очень понравился, и въ 5-мъ часу мы
пустились въ путь совсѣмъ въ противоположную сторону отъ той, въ которую думали
идти.

Дорога до Chateau d'Oech, 60 гдѣ мы хотѣли ночевать, идетъ, рѣдко гдѣ поднимаясь и
опускаясь, по берегу большаго быстраго потока.61 Потокъ этотъ называется Sarine.
Не смотря на то, что онъ далеко не былъ въ полномъ разливѣ, шумъ его былъ
слышенъ за версту, и по немъ въ многихъ мѣстахъ плыли и въ другихъ, зацѣпившись
за камни, стояли еловые бревна, которыя такимъ образомъ перевозятъ съ мѣста на
мѣсто. Иногда черезъ мѣсяць хозяева лѣса дожидаясь воды приходить къ плотинамъ и
находить свой лѣсъ, который они узнаютъ по клеймамъ. – По ровному гладкому шоссе
намъ казалось такъ легко идти послѣ прежней дороги, что мы прошли часъ и почти
не устали, только мѣшки тянули намъ плечи. –

Мы прїостановились на мосту, положивъ мѣшки на перила, чтобы они [не] тянули
намъ спины, и долго любовались Сариной, которая въ этомъ мѣстѣ черезъ большіе
нагроможденные другъ на друга камни довольно крутымъ уступомъ спускается внизъ.
Саша очень любитъ всякую воду, даже не можетъ пропустить ни одного жолобка съ
водой, чтобы не заткнуть его рукой, и лужицы, чтобы не поболтать въ ней концомъ
палки, поэтому водопады приводятъ его въ восхищеніе; но для меня водопадъ,
слишкомъ далекой и неокруженной зеленью, такое же холодное зрѣлище, какъ
декорація или знаменитые виды съ высокихъ горъ. Этотъ водопадъ однако шумѣлъ въ
прелестной рамкѣ. Съ обѣихъ сторонъ кривые, разной величины, темные сосны, и
между ними эта стремительно движущаяся и однообразно возобновляющаяся бѣлая
пѣна, и широкія серебристыя струи, и неподвижные, безпрерывно одинаково
обливаемые то съ верху то съ боковъ бѣлые камни, бревна елей, живописно, всегда
живописно столкнувшихся и зацѣпившихся, и этотъ одурѣвающий шумъ; такъ что вы не
знаете, что вода и что камни.

Этотъ водопадъ былъ прекрасенъ. За шумомъ воды, мы и не слышали какъ насъ
нагнала шагомъ ѣхавшая на одной вороной лошади нѣмецкая открытая бричка съ
мучными мѣшками. На бричкѣ спереди сидѣлъ красивый малой и сзади старушка. –

– Попросите къ нимъ мѣшки положить, – сказалъ Саша.

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

– Развъ вы устали?

Но Саша уже такимъ заискивающимъ тономъ сказалъ: *bonjour Madame*, и такъ выразительно поглядѣлъ на старушку, что она посторонилась и показала ему подлѣ себя мѣсто: «Садитесь коли вы устали», – сказала она. Саша тотчасъ же вскочилъ къ ней рядомъ, я тоже положилъ свой мѣшокъ и предложилъ Швейцарцу выпить вмѣстѣ бутылку вина въ первомъ трактирѣ.

– Oh, ce n'est pas ça,⁶² – сказалъ покраснѣвъ миловидный румяный швейцарецъ; *venez aussi*,⁶³ – прибавилъ онъ, давая мнѣ мѣсто, – мы рысью поѣдемъ. – Но я отказался, сказавъ, что догону ихъ. И мой Саша съ новыми знакомцами, что-то руками разсуждая съ старушкой, затрясся отъ меня рысью впередъ по дорогѣ. –

Я ихъ догналъ у харчевни, подлѣ которой молодой мельникъ остановилъ свою лошадь. Онъ уже заказалъ себѣ пива, но я попросилъ его выпить вина со мною. Мельникъ принадлежалъ къ тому милому и поэтическому⁶⁴ красивому типу швейцарцевъ, который довольно часто встрѣчается въ кантонахъ *Vaud*, Женевы, Нѣшателя и Фрибурга. Громадно широкія плечи и грудь, чрезвычайно развитыя мышцы ногъ и рукъ, небольшая бѣлокурая голова, румянецъ во всю щоку и благодушная, кроткая, немного глуповатая улыбка. Отъ трактира, по настоятельному приглашенію, я сѣлъ съ нимъ рядомъ на тельгу, и мы разговорились. Онъ сирота, мельникъ, получаетъ 4 франка цѣлковый⁶⁵ въ недѣлю, но служить потому, что не записался въ граждане, и вовсе не находить это записыванье нужнымъ.

– А что, вы не женаты? – спросилъ я.

– Молодъ еще, – отвѣчалъ [онъ].

– Чтоже, веселитесь такъ съ молодыми дѣвками?

Онъ покраснѣлъ и оглянулся на старушку, которая сидѣла сзади. – Oh non! – сказалъ [онъ]. Я не подхожу къ дѣвкамъ. *Ça me gêne*,⁶⁶ – прибавилъ [онъ], съ недоумѣніемъ пожимая плечами. – Отъ этаго онъ такъ и здоровъ, – подхватила старуха. –

– Что, вы его мать? – спросилъ я у нее. –

– Нѣтъ, онъ такъ меня довозить; я изъ Россиньера, вотъ эта деревня на горѣ, тамъ и большой пансіонъ есть, много иностранцовъ пріѣзжаютъ.

– А о чемъ вы говорили съ молодымъ человѣкомъ? – спросилъ я ее.

– О! онъ меня забавлялъ, – отвѣчала старуха, – разсказывалъ, что онъ былъ въ 14-ти государствахъ и 8 языковъ знаетъ. – Я оглянулся на Сашу, онъ отворачивался, и уши его были красны.

Мельникъ немного не довесть насъ до нашего ночлега, повернулъ на свою мельницу. Подходя къ *Chateau d'Oex*⁶⁷, мы встрѣчали на каждомъ шагу пьяныхъ солдатъ, которые буйными развратными толпами шли по дорогѣ, и около самой деревни насъ догналъ дилижансъ, т. е. колясочка на одной лошади, въ которой ѣхалъ одинъ пассажиръ, и въ синихъ⁶⁸ мундирныхъ фракахъ съ красными обшлагами, почтовый лакей и кучеръ. Мы рѣшили ѣхать нынче ночью дальше, кучеръ [сказалъ], что перемѣнитъ лошадей и подождетъ насъ въ деревнѣ.

Деревня большая, богатая, съ высокими домами и такими же надписями, какъ въ *Montbovon*,⁶⁹ съ лавками и замкомъ на возвышеніи. На площади, передъ большимъ домомъ, на которомъ было написано: *hôtel de ville*⁷⁰ и изъ котораго раздавались отвратительные фальшивые звуки роговой военной музыки, были толпы военныхъ – всѣ пьяные, развращенные и грубые. Нигдѣ какъ въ Швейцаріи не замѣтно такъ рѣзко пагубное вліяніе мундира. Дѣйствительно, вся военная обстановка какъ будто выдуманна для того, чтобы изъ разумнаго и добраго созданія – человѣка сдѣлать бессмысленнаго злаго звѣря. Утромъ вы видите швейцарца въ своемъ коричневомъ фракѣ и соломенной шляпѣ на виноградникѣ, на дорогѣ съ ношей или на озерѣ въ лодкѣ; онъ добрадушень, учтивъ, какъ то протестантски искренне кротокъ. Онъ съ радушіемъ здоровадается съ вами, готовъ услужить, лицо выражаетъ умъ и доброту. Въ полдень вы встрѣчаете того же человѣка, который съ товарищами возвращается изъ военного сбора. Онъ навѣрно пьянъ (ежели даже не пьянъ, то притворяется пьянымъ): я въ три мѣсяца, каждый день выдавъ много швейцарцовъ въ мундирахъ,

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
никогда не видалъ трезвыхъ. Онъ пьянъ, онъ грубъ, лицо его выражаетъ какую-то
безсмысленную гордость или скорѣе наглость. Онъ хочетъ казаться молодцомъ,
раскачиваясь, махаетъ руками, и все это выходитъ неловко, уродливо. Онъ кричитъ
пьянымъ голосомъ какую-нибудь пахабную пѣсню и готовъ оскорбить встрѣтившуюся
женщину или сбить съ ногъ ребенка. А все это только отъ того, что на него надѣли
пеструю куртку, шапку и бьютъ въ барабанъ впереди.

.....
.....
Я не безъ страха прошелъ черезъ эту толпу съ Сашей до дилижанса, онъ сѣлъ
впереди, я сѣлъ съ бариномъ, и мы поѣхали. Какой то мертвецки пьяный солдатъ
непреренно хотѣлъ ѣхать съ нами и отвратительно ругался, ужасная музыка не
переставая играла какой то маршъ, до того невыносимо фальшиво, что буквально
больно ушамъ было. Со всѣхъ сторонъ возвращенные пьяные грязные нищѣ.

За то съ какимъ наслажденіемъ, когда мы выѣхали изъ городу, я увидалъ при ясномъ
закатѣ прелестную Занскую долину, по которой мы ѣхали, съ вѣчными звучащими
живописными стадами коровъ и козъ. Господинъ, съ которымъ я сидѣлъ, былъ одѣтъ,
какъ одѣваются магазинчики въ Парижѣ, имѣлъ новенькое чистенькое
porte-manteau,⁷¹ пледъ и зонтикъ. На носу у него были золотые очки, на пальце
перстень, черные волоса старательно причесаны, борода гладко выбрита, въ лицѣ
непріятное напущенное чопорное спокойствіе, которое сохранялось только на то
время, какъ онъ молчалъ. Говорилъ онъ по французски съ Женевскимъ акцентомъ,
видимо поддѣлываясь подъ французской. Мнѣ казалось, что это Женевской или
Водской bourgeois. Это⁷² безжизненная, притворная, нелѣпо подражающая
французамъ, презирающая рабочій класъ швейцарцевъ и отвратительно корыстно
мелочная порода людей. Послѣ его презрительной манеры говорить съ нашимъ
молодымъ кучеромъ, который все заговаривалъ съ нами, и условій, которыя онъ мнѣ
предложилъ для поѣздки въ наемной каретѣ вмѣстѣ въ Интерлакенъ, я уже не
сомнѣвался. Онъ расчелъ какъ то такъ, что мы съ Сашей, у которыхъ вовсе не было
клади, платили за карету, чуть не вдвое противъ его, у котораго съ собой было 3
тяжелыхъ чемодана. И онъ настойчиво увѣрялъ, что это стоило бы мнѣ гораздо
дешевле, чѣмъ въ дилижансѣ. –

Мало того, онъ еще разсердился на меня за то, что я отказался, и когда мы
пріѣхали, онъ какъ то озлобленно сказалъ кондуктору, что онъ пойдетъ брать себѣ
мѣсто въ дилижансѣ, une fois que Monsieur (это я) ne veut pas aller,⁷³ – и
сердито махнулъ на меня рукой такъ энергически, что мнѣ безъ шутокъ показалось,
что я виноватъ передъ нимъ. – Мнѣ совѣстно уже было съ нимъ встрѣтиться и я
подождалъ его, чтобы пойти брать мѣсто въ «Post-bureau».⁷⁴

Я подошелъ къ затворенной двери, на которой была надпись. Около двери сидело 3
человека, которые даже не посмотрели на меня. Я отворилъ дверь въ Постъ-бюро.
Эта была грязная низкая комната, съ грязной кроватью, съ кадушками и
развешанными платьями. – Я вышелъ назадъ и спросилъ у сидевшихъ у дверей, это ли
Постъ-бюро. – Это, – сказалъ мнѣ одинъ изъ сидѣвшихъ грубымъ голосомъ, – идите
туда, что ходите? – Я вошелъ. Дѣйствительно, въ крайнемъ углу стояла конторка и
лежали бумаги. Никого, кромѣ болѣзненной женщины съ груднымъ ребенкомъ, не было
въ почти уже темной комнатѣ. Черезъ минуту тотъ самый человекъ въ сертукѣ,
который велѣлъ мнѣ войти, размахивая руками и всей спиной, съ фуражкой на
бекрень, вошелъ въ комнату. Я поздоровался съ нимъ, онъ захлопнулъ дверь и не
взглянулъ на меня; сначала я думалъ, что онъ чужой и чѣмъ нибудь очень занятой
или огорченный человекъ, но всмотрѣвшись ближе, и особенно, когда онъ прошелъ за
конторку, я убѣдился, что всѣ его движенія, фізіономія, походка, все это было
сдѣлано для оскорбленія меня или для внушенія мнѣ уваженія. Онъ былъ высокъ
рост[омъ], широкъ въ плечахъ, но худощавъ; длинноногъ, бѣлокуръ и рябъ. На немъ
былъ сертукъ, широкія штаны и фуражка. Вообще вся рожа его была отвратительна
или такъ показалась мнѣ.

Я самымъ учтивымъ манеромъ спросилъ его о мѣстахъ. – Какъ будто бы это я во снѣ
видѣлъ, что я говорю, – никакого вниманія. Я сталъ вспоминать, не оскорбилъ ли я
его чѣмъ нибудь входя, не полагаетъ ли онъ почему нибудь, что я хочу гордиться.
Я снялъ шляпу и въ коротенькую фразу, которой я спрашивалъ его, сколько верстъ
до Туна, я 3 раза помѣстил Monsieur – это тоже не подѣйствовало. Я подаль ему
деньги, онъ писалъ что-то и молча оттолкнулъ мою руку. – Я начиналъ сердиться, и
пускай меня обвиняютъ варваромъ, но у меня руки такъ и чесались, чтобы сгрести
его за шиворотъ и разбить въ кровь его рябую фигуру. По счастью для меня, онъ

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru скоро бросил мнѣ на столъ два билета, также швырнулъ сдачу, что ежели бы я не удержалъ, она бы скатилась на полъ, и онъ бы вѣрно не поднялъ. Потомъ размахивая также спиной и руками и еще какъ то сардонически чуть замѣтно улыбаясь, онъ вышелъ на улицу. –

Нѣтъ, подобной безчеловѣчной грубости, я не только никогда не видалъ въ Россіи между колодниками, но я представить себѣ не могъ ничего подобнаго. –

Когда я вернулся домой и не выдержалъ, сталъ жаловаться кучеру, который принесъ мнѣ наверхъ мои вещи. Онъ пожалъ плечами, улыбнулся (онъ былъ молодой веселый малый и въ наступающую минуту ожидалъ на водку). – *Vous dites que c'est le buraliste qui est comme ça?*⁷⁵ – Да. – *Que voulez vous, Monsieur – ils sont republicains, ils sont tous*⁷⁶ *comme-ça. Et puis il est buraliste, il est fier de ça.*⁷⁷

Я ложась спать все не могъ забыть бюралиста и твердилъ про него. – А Саша хохоталъ. – Такъ задалъ вамъ страху бюралисть? – все спрашивалъ онъ. – А Женевертка вычистить намъ башмаки завтра? – И онъ заливался хохотомъ. Кончилось тѣмъ, что и я расхохотался и, перебирая весь день, заснулъ все таки съ веселыми мыслями.

Комментарии В. Ф. Саводника

ОТРЫВОК ДНЕВНИКА 1857 ГОДА.

В начале апреля 1857 года, после полуторамесячного пребывания в Париже, Толстой переехал в Швейцарию. Проведя две недели в Женеве, где в это время проживала его тетка, гр. А. А. Толстая, он поселился в Кларане, на северо-восточном берегу Женевского озера, в пансионе Кетерера, где жила в то время знакомая ему чета Пушиных: старик-декабрист Михаил Иванович Пущин и его супруга Марья Яковлевна. В ближайших окрестностях Кларана проживало еще несколько русских семейств, с которыми у Льва Николаевича завязались дружеские отношения (кн. Мещерские, Галаховы, Поливановы, Е. Н. Карамзина, М. А. Рябинин и др.). Живя в Кларане, Толстой работал над задуманными уже ранее литературными произведениями («Альберт», «Казачи»); вместе с тем он охотно совершал более или менее продолжительные прогулки по окрестностям, большей частью в компании с кем-либо из своих русских знакомых. 15/27 мая Пушины уехали из Кларана; собрались уезжать также и Мещерские; таким образом расстроился тот дружеский кружок, среди которого Толстой привык проводить свое время. Это обстоятельство, повидимому, побудило его предпринять более продолжительное путешествие в глубь Швейцарии, с целью лучшего ознакомления с краем и его населением. В качестве спутника Лев Николаевич взял с собою одиннадцатилетнего мальчика Сашу, из одного знакомого русского семейства (о нем см. примечание ниже), и вместе со своим молодым товарищем пустился налегке в путь, с дорожным ранцем за спиной, не имея, повидимому, вполне установленного плана и маршрута. Первоначально Толстой направлялся на Фрейбург, отчасти с целью послушать в местном соборе знаменитый церковный орган; но затем его соблазнила мысль посетить Бернский Оберланд, и он свернул в сторону Интерлакена. Все путешествие заняло полторы недели, с 27 мая по 6 июня (нов. ст.) и охватило довольно значительный круг местностей (Шато д'Ё, Интерлакен, Шейдек, Тун, Берн, Фрейбург). Часть пути, особенно в начале путешествия, была пройдена пешком, но затем, утомившись, путешественники пользовались, большею частью, экипажами, дилижансами или даже лодками (по озерам).

Во все время этого странствования, Толстой по обыкновению вел свой Дневник, в который он вкратце заносил свои путевые впечатления; но, очевидно, этих впечатлений накопилось так много, что он уже не захотел довольствоваться этими беглыми записями и решил изложить их в более пространной и литературно обработанной форме. Эта мысль явилась у него еще во время путешествия: 2 июня, будучи в Гриндельвальде, он заносит в своем Дневнике: «писал путешествие»; затем 7 июня, уже после возвращения в Кларан, он записывает: «утром писал славно дневник путешествия»; 9 июня: «после обеда писал дневник путешествия; написал много, листочков 9, но не кончил»; 10 июня: «написал листа 4 или больше Путевых Записок». На этом, однако, останавливаются записи Дневника, касающиеся работы над путевыми впечатлениями, вынесенными Толстым из его 10-дневного странствования. Очевидно, Толстой скоро охладел к этой работе, занятый другими художественными замыслами, и уже никогда более не возвращался к ней, оставив ее в том неотделанном и незаконченном виде, в котором он ее набросал в несколько приемов, под свежим впечатлением своих дорожных переживаний.

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru Путевые записки Толстого, которые он сам озаглавил в рукописи: «Отрывок дневника 1857 года», действительно, представляют собой расширенную, дополненную и литературно обработанную редакцию записей его обычного дневника и обнимают два первые дня его пешеходного странствования, 15/27 и 16/28 мая. Для сравнения с первоначальным наброском и для выяснения той литературной обработки, которой Толстой подверг материал своих путевых впечатлений, мы считаем необходимым привести полностью отрывок из Дневника Толстого, содержащий изложение событий и впечатлений этих двух дней.

«15–27 мая. Встал в 8. Укладка. Приехали Галах[овы], Карамз[ина] и К. Проводил милейших П[ущиных]. Я их душевно люблю. М[арья] Я[ковлевна] готовность любви бесконечная. Пошел к Галах[овым] обедать, неловко и скучно было. Взял маленького Сашу и пошел до Avants. Славные места. Написал листок Поврежденного.

16–28. Встал в 4. Пошли через Jaman, приятная прогулка. Но маленькой надоедает мне. Пришли в Alières, мило-уютно. Chalet дикой. – Montbovon, смущала меня женехвестка. Католическая поэзия! Разложил книги, не писал. Грудь болит. Пошел до Chateau d'Oex, мельник целомудренный довел. Поток с камнями: не знаешь, где вода, где камни. Поехал до Gessenay. Черный сердящийся господин. Бюралист непомерной грубости».

«Отрывок дневника 1857 года» печатается впервые в настоящем издании, по собственноручной рукописи Толстого, написанной на 22 отдельных листках почтовой бумаги, белой и голубоватой, вероятно, заграничного производства, не имеющей ни водяных знаков, ни каких-либо других отличительных признаков; листки перенумерованы самим автором. Рукопись черновая, со многими пометками и вставками отдельных слов и целых фраз, вписанных между строк и сбоку на небольших оставленных полях; несмотря на эти вставки и исправления, рукопись написана довольно разборчиво и читается без особых затруднений; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. (Папка XVI 11.)

В виду того что некоторые упоминания и намеки, встречающиеся в тексте печатаемого отрывка, могут оказаться недостаточно понятными для читателей, мы сочли необходимым дать к ним несколько пояснительных примечаний.

Стр. 192, строка 3 св.

«Соотечественники и сожители» в Кларанском пансионе Кетерера – это супруги Пузины; старик-декабрист Михаил Иванович (1800–1869) и Марья Яковлевна, урожденная Подколызина. М. И. Пузин был братом известного декабриста Ивана Ивановича Пузина, лицейского товарища и друга Пушкина. Будучи капитаном лейб-гвардии Саперного батальона, он был привлечен к дознанию по делу 14 декабря и по постановлению Следственной Комиссии лишен дворянства, чинов и орденов, разжалован в рядовые и послан в один из сибирских полков; однако вскоре он был переведен на службу на Кавказ, где ему удалось во время Турецкой кампании 1828–29 гг. выдвинуться, благодаря своей храбрости и военным познаниям. Тяжело раненый при штурме Ахалцыка, он был в ноябре 1828 года произведен в прапорщики. В 1831 году он вышел в отставку в чине поручика и перешел на гражданскую службу. – Толстой познакомился с Пузиными в Женеве и затем поселился вместе с ними в одном пансионе в Кларане. Он очень привязался к ним, постоянно видался с ними, совершал вместе довольно далекие прогулки по живописным окрестностям Кларана и охотно слушал рассказы и воспоминания Пузина о старине. В своем Дневнике и письмах к близким лицам Толстой отзывался о Пузиных, как о людях чрезвычайно милых и симпатичных; так в письме к П. В. Анненкову от 22 апреля 1857 г. он писал между прочим: «Пузин – прелестный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству». Поэтому разлука с ними искренно огорчила его, как это видно из его записок.

Стр. 192, строка 4 сн.

Толстой нигде, ни в своем Дневнике, ни в путевых записках не называет фамилии одиннадцатилетнего мальчика Саша, которого он взял с собой, отправляясь в пешеходную прогулку по Швейцарии. Круг знакомых русских семейств, среди которых вращался Толстой во время своего пребывания в Кларане, был очень ограничен, и мы знаем их всех по его упоминаниям в Дневнике: это – Мещерские, Галаховы и Поливановы. Относительно первых двух семейств мы можем определенно сказать, что в составе их не было мальчика этого возраста и этого имени; остается, следовательно, семья Поливановых. Среди лиц, отъезжающих за границу, список

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru которых в те времена ежедневно печатался в газетах, действительно, в «Северной Пчеле» от 22 января 1857 года значится: «тит. сов. Поливанов с супругою и малолетними детьми». С другой стороны, в росписи дворян Поливановых мы встречаем Константина Александровича Поливанова (1816–1858), служившего с 1836 года в Ингерманландском гусарском полку, в 1846 году вышедшего в отставку по болезни и служившего впоследствии Тарусским уездным предводителем дворянства. Он был женат на Александре Романовне Любимовой (1825–1865) и имел несколько детей, из которых старший сын Александр родился 19 августа 1845 года; таким образом в мае 1857 года последнему было 11 лет, т. е. он был именно в том возрасте, как и мальчик Саша, спутник Толстого по Швейцарии. Мы к сожалению не имеем данных для доказательства тождества этих двух лиц, однако же предположение это является весьма правдоподобным. Впоследствии вышеуказанный Александр Константинович Поливанов служил в лейб-гвардии Конном полку и с 1873 года состоял в отставке; женат он был на Марье Константиновне Тарновской (А. В. Селиванов. Род дворян Поливановых. Владимир. 1902. Стр. 48).

Стр. 193, строка 9 св.

«Русские барышни с только что приехавшей из России матерью» – Галаховы, которых Толстой неоднократно упоминает в своем Дневнике и которые жили в Монтре, в 11/2 километрах от Кларана. Возможно, что это семья Петербургского обер-полицмейстера генерал-адъютанта Александра Павловича Галахова, который в «Северной Пчеле» от 20 апреля 1857 года назван в числе лиц, отъезжающих за границу, вместе со своей супругой Софьей Петровной, урожденной Мятлевой, сестрой поэта Мятлева. У них были две дочери: Софья Александровна, бывшая впоследствии за бароном Карлом Карловичем Притвицем, и Надежда Александровна, бывшая с 1865 г. за Иваном Александровичем Половцевым (Руммель и Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Том I, СПб, 1886, стр. 179–180).

Стр. 193, строка 11 св.

«Русские из Basset» – семья Мещерских, с которыми Толстой познакомился во время своего пребывания в Кларане. Она состояла из кн. Петра Николаевича Мещерского (1802–1876), женатого вторым браком на Екатерине Николаевне Карамзиной (1805–1867), старшей дочери историкографа, их дочери Екатерины Петровны (18..–1879) и одного из старших сыновей: Николая или Александра Петровичей, которого Толстой называет в дневнике «маленьким Мещерским», хотя Николаю в это время было 28 лет (р. 1929), а Александру 20 лет (р. 1837). К этой же семье принадлежал и известный писатель-публицист реакционного направления кн. Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), однако, в данное время его не было с родителями. С Мещерскими жила и сестра Екатерины Николаевны, Елизавета Николаевна Карамзина (1821–1891), младшая дочь историкографа. Хотя Толстой часто бывал у Мещерских и проводил у них свои вечера, однако особенной близости между ними не установилось; этому препятствовала резкая разница в их взглядах и симпатиях, так как Мещерские придерживались узко-консервативных убеждений: «озлобленные консерваторы», как их характеризует Толстой в одной из записей своего Дневника.

Стр. 193, строка 24 св.

Старый прусский генерал, проживавший в пансионе Кетерера, несколько раз упоминается в дневнике Толстого, но он ни разу не называет его фамилии.

Стр. 104, строка 4 св.

«Воспетый островок, выдуманно, но всё-таки прекрасно торчащий против Вильнёва» – это небольшой островок – île de Peilz, с несколькими растущими на нем тополями, лежащий против Вильнёва, у впадения Роны в Женевское озеро. О нем упоминает Руссо в «Новой Элоизе» и Байрон в «Шильонском узнике»:

И я заметил островок
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивались нежней
Кругом родных берегов оне...

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
(«Шильонский узник», перевод Жуковского, XIII.)

Стр. 197, строка 15 сн.

По дороге между Монтрё и Аванами, вдоль склонов Mont Cubli, встречаются сплошные поля нарциссов, в особенности около деревни Chamby; в мае в Монтрё до сих пор справляется весенний «праздник нарциссов» (La Fête des narcisses).

Стр. 198, строка 8 св.

Дом Риги – вероятно, гостиница на горе Rigi Vaudais, о которой Толстой упоминает несколько раньше, как об обычной цели прогулок живущих в пансионах англичанок и немок.

Стр. 205, строка 12 св.

«Это был кантон Фрейбурга» – Толстой упоминает об этом для того, чтобы отметить, что с переходом из Водского кантона (canton de Vaud), принадлежащего к числу французских кантонов Швейцарии, во Фрейбургский кантон, они вступили в область немецкой Швейцарии, с населением, говорящим преимущественно по-немецки.

Стр. 206, строка 13 св.

«Виноградники Côte» – La Côte (берег) называется часть северо-западного побережья Женевского озера около города Роль (Rolle), вдоль южного склона Швейцарской Юры; здесь по склонам прибрежных холмов, в местности, защищенной от северных ветров, расположены виноградники, дающие лучшее швейцарское белое вино.

Стр. 207, строка 5 св.

Фрибургский или Фрейбургский кантон принадлежит к числу католических кантонов Швейцарии; Толстой отмечает характерные черты католического края, отличающие его от только что оставленного им Водского кантона с протестантским населением.

Стр. 207, строка 22 св.

История Женевиёвы, оставленной в лесу и вскормленной ланью – очень популярная в Западной Европе средневековая легенда, известная с XIII века, о Женевиёве Брабантской, супруге графа Тревского, которую отвергнутый ею поклонник сумел обвинить перед мужем в неверности, за что последний приказал ее умертвить; однако человек, которому было поручено это убийство, тронутый состраданием, ограничился тем, что завел Женевиёву в глухой лес и оставил ее там, вместе с новорожденным ребенком, который и был вскормлен ланью, прирученной Женевиёвою. Несколько лет спустя, во время охоты, граф Тревской находит в лесу свою оставленную супругу, убеждается в ее невинности и восстанавливает ее в правах; но Женевиёва, обессиленная пережитыми страданиями, вскоре умирает. – История Женевиёвы Брабантской много раз подвергалась литературной обработке, начиная с Золотой легенды (Legenda aurea) XIII века, а также стала излюбленным сюжетом для лубочных изображений (J. Champfleury. «Histoire de l'imagerie populaire», p. 267); вероятно, именно такого рода лубочную картинку и нашел Толстой в деревенском трактире Монбовона.

–

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения 1856–1859 годов.

Кроме известных произведений: «Из записок князя Д. Нехлюдова» («Люцерн»), «Альберт», «Три смерти» и «Семейное счастье», печатаемых по журнальным текстам, как единственным авторизованным, в этот том включены варианты к трем последним вещам, извлеченные из черновых рукописей Толстого, а также четыре произведения, опубликованные уже после его смерти: «Сказка о том, как другая девочка Варинька скоро выросла большая», «Как умирают Русские солдаты» («Тревога»), «Лето в деревне» и «Речь в Обществе Любителей Российской словесности».

Впервые печатаются в настоящем томе неоконченные и неотделанные произведения и наброски художественного содержания: «Начало фантастического рассказа», «Отъезжее поле», «Записки мужа», «Отрывок без заглавия», «Светлое Христово

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru воскресенья»; писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян, в количестве семи номеров; один набросок публицистического содержания: «Записка о дворянстве»; заметка юридического содержания: «О русском военно-уголовном законодательстве» и, наконец, «Отрывок дневника 1857 года» (Путевые записки по Швейцарии) и «Проект по лесному хозяйству».

Произведения, появившиеся в печати при жизни Толстого, размещены в порядке их опубликования, остальные – в порядке их написания, поскольку они могут быть хронологически приурочены к определенному моменту.

Н. М. Мендельсон.

В. Ф. Саводник.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ПЯТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Толстого и лиц его круга (брычка, пожалуста).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся и это оговаривается в сноске.

На месте слов, неудобных в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число пропущенных редактором слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо который, и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый, «т[акъ] к[акъ]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, ***, ****, в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Толстого, снятого в Брюсселе в 1861 г. (размер подлинника) между X и 1 стр.

Примечания

1

[салоне,]

2

В подлиннике: a]penschtok [альпийскую палку,]

3

Цыфра 9 переправлена из 8 или наоборот.

4

Клочек бумаги с окончанием слова вырван.

5

Зачеркнуто: и не хочется.

6

Зачеркнуто: что дамы закричали.

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

7

Зачеркнуто: сизоворонка.

8

Слова: Нашъ милый кружокъ – вписаны между строк, вместо зачеркнутого: унисонъ.

9

Цыфра 4 переправлена из 3.

10

Зачеркнуто: Мъшокъ

11

Зачеркнуто: шире и

12

В подлиннике: Фрибургъ

13

В подлиннике: Avant

14

В подлиннике: торчала

15

[прогулку]

16

[добрый вечер, мосьё,]

17

Зачеркнуто: которыми онъ былъ усъянъ, буквально покрытъ

18

Зачеркнутое по ошибке слово: лощины должно быть восстановлено, иначе утрачивается связь с окончанием всей фразы.

19

Слово: скромно залито чернилами и читается предположительно.

20

Следующее слово залито чернилами и не поддается прочтению.

21

колебаніемъ вписано между строк вместо зачеркнутого: сомнѣніемъ

22

наслажденія – вписано между строк, вместо зачеркнутого: радости.

23

Зачеркнуто: Далѣе я никогда не могъ идти.

24

Последняя фраза читалась первоначально: почти мрачно, но и мягко.

25

[Кто там?]

26

Зачеркнуто: худощавый, здоровый

27

[местном наречии]

28

[вот вам,]

29

В подлиннике: Jeaman.

30

В подлиннике: снѣговья

31

Зачеркнуто: декорація

32

В подлиннике: dent du Jeaman

33

Зачеркнуто: уже

34

Зачеркнуто: и ударяло прямо окрашивая красные стволы сосень часто несносно ударяло въ лицо. Кромѣ того наверху становилось

35

Со слов: Вездѣ пусто кончая: грязнѣе – вписано между строк, вместо вычеркнутой фразы. См. предыдущее примечание.

36

Зачеркнуто: такъ я устроенъ

37

Со слов: Я люблю природу, кончая: Вале и т. д. вписано между строк и сбоку на полях.

38

Зачеркнуто: на противоположномъ спускъ къ Альеру

39

[местном наречии,]

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

40

Зачеркнуто: заборами

41

В подлиннике: слышался

42

Зачеркнуто: Loge [следует: on loge] à pied et à cheval [ночлег для проходящих и проезжающих]

43

[Гостинница Медведь: будьте благонадежны.]

44

[От друга]

45

Зачеркнуто: болѣе поэтична.

46

[Сердце мое весьма огорчено, – я плачу настоящими слезами.]

47

[Приди и поцелуй меня.]

48

В подлиннике: monbouvont

49

Абзац редактора.

50

Зачеркнуто: какъ говорится

51

Зачеркнуто: съ наивной простотой рассказала

52

Зачеркнуто: Canton

53

В подлиннике: Саша

54

Абзац редактора.

55

Со слов: Госпожу эту кончая: служанку. вписано между строк и сбоку на полях.

56

Зачеркнуто: надписи скромныя католическія

57

[Дом сей построен имреком, но он есть ничто в сравнении с тем жилищем, которое уготовил нам Господь. О смертный! тень моя проходит поспешно и конец мой близится стремительно!]

58

[О смертный]

59

Зачеркнуто: глупой.

60

В подлиннике: Chateau d'Eux,

61

Со слов: Потокъ этотъ кончая: по клеймамъ. – вписано между строк и сбоку на полях.

62

[О, не в этом дело,]

63

[садитесь и вы,]

64

Слово: поэтическому вписано между строк, вместо зачеркнутого: рѣдкому типу

65

Слово: цѣлковый написано крупными буквами и подчеркнуто.

66

[О нет! это меня стесняет,]

67

В подлиннике: Chateau d'Eux

68

В подлиннике: синій.

69

В подлиннике: Monbeavont,

70

[Городская дума].

71

[чемодан,]

72

Зачеркнуто: нехорошая

Отрывок дневника 1857 года. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

73

[раз господин не хочет ехать (со мною),]

74

В подлиннике: Post-bureau [Почтовая контора.]

75

[Вы говорите, что это бюралист был таков?]

76

В подлиннике: touts

77 [Что вы хотите, мосьё, – они республиканцы, они все таковы. Да кроме того, ведь он бюралист, он этим и чванится.]

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!